

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 19

1 февраля 1944 года

№ 19

ВОТВЕННАЯ
КАЗАЧЬЯ
ОТДЕЛ
- 428

Награда героям

Начальник казачьей дивизии фон Паннвиц награждает боевыми орденами казаков, отличившихся в успешных сражениях против партизанских коммунистических банд в Сербии

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F.P. Nr. 02306

Высокая оценка первой казачьей дивизии Фюрером

Из рапортов 1-й казачьей дивизии до сведения Фюрера дошло о том, что все ее части показали себя в высшей степени боеспособными и доблестными, за что Фюрер выразил свою признательность.

Столь лестная похвала Фюрера является для казаков большой наградой за проявленную ими храбрость и вдохновит их на дальнейшие подвиги в борьбе против большевизма и его приспешников. Казаки и впредь, плечо к плечу с германскими соратниками, будут бить врага на любом фронте.

Казаки, носители старых воинских традиций, горды полученной ими наградой в виде похвалы Верховного Главнокомандующего Германских Вооруженных Сил.

Генерал от кавалерии Кестринг — генерал Добровольческих Войск

Приказом начальника Генерального штаба должность генерала Восточных войск переименована в должность генерала Добровольческих Войск. Генерал-лейтенант Хельмих принял командование одним из немецких соединений на фронте. Генералом Добровольческих Войск назначен генерал от кавалерии Кестринг. Генерал Хельмих и генерал Кестринг обратились к нашим войскам с приказами, которые мы и приводим ниже.

Солдаты!

Вы пришли добровольно в наши ряды и я рад был способствовать Вашему об'единению. Мы преследуем общую цель — борьбу против большевизма и плутократии. Нашу борьбу мы начали в тяжелое, но великое время. Будущие поколения оценят Вашу жертвенную работу.

Принимая новое командование, я благодарю Вас за Вашу службу, борьбу, Ваши жертвы и преклоняюсь перед героями, павшими во имя общего дела.

В союзе с Велико-Германией Вы победите!

Оставайтесь твердыми, оставайтесь верными!

Желаю Вам счастья и военных успехов.!

Ставка, 15. 1. 1944.

Генерал Восточных Войск

Хельмих

Генерал-Лейтенант.

Добровольцы и легионеры!

Вступая в командование всеми Добровольческими Частями, желаю г. г. офицерам и солдатам в новом году счастья, военного успеха и возвращения на освобожденную Родину.

Ваши цели и задачи остаются прежними.

Вам сегодня еще приходится бороться вдали от Родины. Пусть Ваша часть на время военных действий заменит Вам Родину. Чем больше вы будете любить свою часть, чем сплоченнее будут Ваши ряды, тем ближе мы будем к нашей общей цели, тем скорее наступит момент Вашего возвращения к своим семьям на родную землю.

Генерал Добровольческих Войск
Кестринг

Генерал от кавалерии.

Генерал Кестринг родился и воспитывался в России. В 1895 году генерал Кестринг вступил в немецкую армию и служил в 5 кирасирском полку. Во время мировой войны он работал в крупных штабах на Восточном фронте. После окончания войны он принимал участие в создании немецкой 100 000-й армии. В 1931-1933 гг. и с 1935 г. до начала войны с Советским Союзом он был военным и авиационным атташе в Москве. Через месяц после начала войны с Советским Союзом генерал Кестринг вернулся в Германию. Генерал Кестринг считается одним из лучших знатоков Советского Союза и населяющих его народов.

Генеральная линия

В одном городе над Днепром собрались мы, как то, три дружка: я — старый шатун, эмигрант, да вышедший недавно из лагеря, а теперь командир дивизиона Дерябушка, да беспокойная душа Дронушка, что изведаль при советах и буре и мель, а теперь зорко следил, чтобы в полку не завелась какая крамола.

Сидели, разговаривали. О чем? Ну, о чем могут говорить три, сошедшихся после долгой, долгой разлуки, казака?

Конечно и о старине, и о радостях, и о пролитой крови, и о пролитых слезах. О настоящем? Очень они были рады, что снова могут с оружием в руках показать казачью развязку. А я радовался их радостью.

Только об этом много не наговоришь, и так все ясно: бей врага на какой угодно территории и крышка.

А, вот, будущее!

Это будущее уже не одному свихнуло мозги, на простое дело туману навело, на гладкой дороге ноги поломало.

И хоть мы не больно сильны были в политике, но, все же, эх! эх! зажить бы нам, или хоть бы детям нашим по древнему казачьему обыкновению: шапка на бекрень, души на распашку.

Ни тебе жиды, ни тебе НКВД, ни тебе мучительной думы — куда тикать из родного «круглого» куреня. Чи то на Урал, чи в Среднюю Азию, чи в Приамурье. Живи как хочешь! Повоевал и по домам, потрудились — попиравал. Водки, вина выпил, песни заиграл. Эх! эх! вот житье. Кабы пришлось, Господи!

Дерябушка — молодой, только головой покачивал, только свои серые глаза выкатывал. Это да-а-а! Вот такое будущее, ядрена мышь. Как бы до него дойти.

Ну, и порешили, что дорога к такому будущему есть.

Перво, наперво прилепиться к тому, кто единый дерзнул на широкий свет, к солнцу казакам дорогу откроет.

Второе — ставши в ряды по сторонам не оглядываться. Знаешь кого бить так и бей.

Третье — во всем быть честным. Лучше пересоли, чем не досоли. Дело большое. Упустишь — теперь, в другой раз не придет. Проспишь, продурить — гроб, могила всем казакам.

Вот мы какую политику развели. На том постановили и разошлись каждый по своим делам. Я, конечно, мечтать, Дерябушка — по девчатам свататься, а Дронушка — думать и крамолу в полку выводить.

Каждому свое дело и каждому судьба свою дорогу указала, пришлось раз'ехаться.

И вот уже почти год все эти, милые дружки, Дронушки и Дерябушки действуют по своему поставлению.

Человек, конечно, не без греха, но в основном все таки из нашей «генеральной линии» не выходят.

И каждый раз все больше стали о них говорить. Все в газетах пишут: казаки то, да, казаки это. А моя душа росла — свои же. И все боялся: а ну-ж не выдержат, а ну-ж послушаются наших «политиков». Тех, что о священных рубежах крокодиловые слезы льют, а Сталина считают русским патриотом.

И, вдруг, приносит мне Гриша (тоже наш, из молодых) журнал. Нате, почитайте.

Журнал казачий «На казачьем посту» № 14.

Открываю, читаю: утвердить за вами казаки... все права и преимущества служебные... вашу самобытность... неприкосновенность ваших земельных угодий... под защитой Фюрера... И подписи оригинальные. Да чьи еще!

Милые вы мои дружки, где вы сейчас? Вспоминаете ли наши разговоры, нашу «генеральную линию»? Чувствуете

ли вы в какую необычайную, единственную эпоху вводит в нашу историю этот замечательный акт. Знаете ли вы как трудно добиться настоящей оценки в наше отчаянное время? Знаете ли, что только высокая Душа бывает справедлива в признании подобных вашим заслугам. И эта высокая Душа уже вас оценила. И если изрекла свое редкое, но крепкое слово, то значит при всяких условиях, в доле и недоле, признала вас всех: Дерябушек, Дронушек, Матвейчей, Никитичей и других Гаврилычей чем то своим, уже связанным с собою крепкими узами долга и крови. И если вы все дальше пойдете дорогой казачьей чести, то придет тот час, когда таким же Величайшим Актом Германский народ, великий в своей культуре и страданиях, назовет вас, весь казачий народ, своим любимым младшим братом.

Г. Г.

О новых силах казачества

На развалинах Российской империи в 1917 году восторжествовал и выкинул свой кровавый флаг большевизм.

В те черные годы, когда умирала Россия, казачество было на стороне благородных идей спасения Родины, ее национальной свободы и чести. Казачьи полки и дивизии громили большевизм. Брала его крепости. Подходили к Москве... Но не увенчалась победой священная война славного казачества и лучших русских людей с большевизмом. Россия была покорена большевизмом и с ним примирилась...

Не сложили своего оружия казаки. Много раз восставали против большевистских правителей.

Бог не допустил полной гибели казачества. После долгих лет пыток и уничтожения настал светлый день воскрешения казачества, и это ему принесла Германская армия. Когда казаки сбросили цепи большевистского рабства и террора, стал вопрос: «Быть или не быть казачеству?» В сердцах казачьих репился один ответ: «Казачеству быть!» И начали возникать казачьи полки, бригады, дивизии...

Советская власть многих из нас отправила на тот свет и нам пора подумать о пополнении своих рядов, о новых силах казачества. Мы эти новые силы рождаем. Ставрополье раньше считалось губернией с неказачьим населением, а теперь мы считаем его казачьей областью, и всех ставропольцев, ушедших с нами и с германскими войсками, зачисляем в казачьи полки и считаем казаками. В Ставрополье искони существовали и существуют старые казачьи станицы, переименованные в села во второй половине XIX века царским правительством. Во многие степные районы Ставропольщины советы в свое время выслали на вечное житье массу кубанских, донских и терских казаков. Быт и жизнь ставропольцев очень похожи на быт и жизнь казачества. Теперь Ставрополье, как казачья область, имеет своего представителя в Казачьем комитете. И когда придет время, ставропольские казаки своими руками будут освобождать родные ставропольские земли из большевистского плена. Мы уже делаем все, чтобы Ставрополье навсегда вошло в близкую и родную ему общеказачью семью. Всех ранее считавшихся иногородними жителей казачьих станиц и сел в казачьих областях, ушедших с нами от большевиков, мы также зачисляем в казачьи полки и навсегда делаем казаками.

Села на казачьих землях мы переименоуем в станицы и этим уничтожим вековую рознь между коренными казака-

ми в так называемыми «иногородними». Эта рознь была выгодна только врагам казачества. Мы принимаем в свои ряды всех честных людей, переживших тяжкие муки от большевизма, всех, кто хочет быть казаком и мстителем Сталину, кто способен мужественно в открытом бою доказать свою преданность казачеству.

В седые и грозные времена казачество всегда пополняло

свои ряды отважными людьми всех сословий и любого происхождения. Этого закона оно будет придерживаться и ныне. Мы постоянно таким путем будем умножать свои силы. Мы убеждены, что казачество будет жить и процветать, убеждены в том, что врага разобьем и вернемся с победой на свои земли и приведем на них новых казаков.

Есаул Мих. Земцов

Мой старый друг...

Осень 1943 года. Волянь. Низко над землей нависло серое, свинцовое небо. Сыплет дождик. Мелкий, надоедливый, нудный. Вечером, когда над головой слышна монотонная дробь капель, хочется петь заунывные русские песни, или мечтать о родине, о прошлом.

Край лесов и болот... Серая, бедная земля... Серые, бодные деревни... Избушки под трухлявыми, обомшелыми крышами. Люди в лаптях и серых свитках с вежливыми, застенчивыми улыбками на лицах. Люди в крови которых мало солнца, но есть затаенная мужицкая хитрость.

Древняя русская Волянь! Исторический рубеж между Западом и Востоком. Земля обильно политая человеческой кровью. По твоим древним шляхам, через леса и болота двигались полчища Атиллы, грозные воины татарских ханов; вихрем проносились чубатые запорожцы Богдана Хмельницкого, крылатые польские драгуны Яна Собесского; сверкая дамаскими ятаганами, рубились янычары турецких султанов, шли, как тяжелые тучи медлительные московские рати, страшные в своем неотвратимом упорстве; проносились на Варшаву с песней «Яблочко» лихие полки первой конной — Буденного.

Много прошло, много полегло... Многих ты видала — земля волянская. Сейчас над твоими лесами, затерянными в болотах деревнями, жужжат стальные птицы, а по шляхам, сотрясая землю, грохочут танки. История переворачивает новые страницы.

Здесь много воды и мало солнца. Вода часто льет сверху, вода на земле.

Нас небольшая горсть казаков. Здесь Донцы, Уральцы, Терцы, Кубанцы и другие. Мы держим караулы. Здесь нет фронта и всюду фронт. В полкилометре от нас — в лесах, по тропинкам, среди болот, бродят партизаны: советские, польские, бульбовцы, бандеровцы, просто бандиты и головорезы — им же несть числа. В середине двадцатого века ворвалась злоба и ненависть людская времен Гонты, Железняк, Еремы Вишневецкого.

Пятнадцатый век в двадцатом столетии. Здесь безпощадно рубят «сокирами» детей, женщин, стариков. Национальная рознь приняла неслыханные размеры. Я сам видел польскую девочку 5 лет с толстыми, красными шрамами на щеке и шее — следы от ножа, ее мать была зарезана в колонии, я видел порубленных украинских детей, привезенных из Карпиловки в лазарет. Прошлой зимой 8 казаков, у села Владимирец, внезапным ночным налетом были взяты в плен. После трупы нашли в лесу, сложенные аккуратно в штабель. Их головы, ударами обухов, были превращены в мягкие, податливые полушки. Лица невозможно было узнать.

Слова — прогресс, культура, гуманность, 20-й век — становятся жестокой иронией, кривой усмешкой перед голыми фактами жизни. Древние инстинкты пещерного человека, спрятанные временно под модным галстуком, вылезли наружу.

Вчера был солнечный день. Вечером, после развода, когда казаки ушли на посты, над болотами у леса, поднимался туман. Таких туманов я не видал на родине. Он

стлался низко над землей, как распущенные космы старой ведьмы. Ключья тумана цеплялись за сучья старых сосен. Болота дышали гнилыми испарениями в них — болезни и наша казачья тоска. Тоска по родине, солнечным степям, где зреют красные, сочные арбузы величиной с заднее колесо, где наливаются тяжелые гроздья цыплянского винограда — огненная кровь родной земли. Казачьей земли, обильно политой горячей кровью предков. Оттого то так обильны и так вкусны плоды наших степей. Мы — дети степей не привыкли к лесам и болотам. Здесь для нас слишком тесно и сумрачно. Много тени, много деревьев и слишком мало простора. Мы привыкли к широким горизонтам и солнечным далям.

Осенний вечер. Сквозь всхлипыванья дождя и завыванья ветра доносятся выстрелы наших казачьих постов. Старый исторический путь казака. Путь покрытый терниями и острыми камнями. Где только не лежат казачьи кости, какие ветры не засыпают, какие дожди не обмывают их?

Просторная комната нашей казармы. Мы пьем немецкий шнапс и польский самогон. Столы и скамьи отодвинуты в сторону, чтобы было свободней. Мой кубанец прошелся по клавишам баяна и рванул «Барыню с перебором». Степка донец ударил каблуком в пол и рассыпал такую адескую дробь, что стоявшая на столе лампа мигнула и чуть не потухла. Пьяный хохот и рев здоровых глоток одобрительно откликнулись на его лихой танец. Мы пьем самогон по-русски — стаканами. Закусываем кислой капустой и вареным мясом. Допышки стаканов взлетают вверх под шумный крик и разноголосый говор.

Казачек и барыня сплетаются фокстротами, полькой, краковяком. Казаки танцуют с польками. Женщины визжат и хохочут. Или у них ноги, сделаны из пружинистой стали высшего качества, но польки готовы танцевать до утра. Их неутомимость в танце поразительна.

Чавкающие рты, стаканы самогона, хохот и шутки казаков и визг женщин. Но в отуманенном мозгу — одна фраза из Беранже, она упорно не выходит из головы целый вечер:

... Мой, старый друг,
Не забывай меня...

и перед моими глазами встает лицо моей подруги, с которой я прожил 17 лет. Она прошла со мной тяжелый советский путь, она дала мне двух милых детишек, в них мое счастье, мое будущее, мои надежды. И вот она стоит сейчас перед моими глазами. В твоих глазах нет укора, ты стоишь, как сон, как видение.

Может быть я поступал иногда не так как надо? А может быть тебя уже нет на свете? Не смотри так на меня — мне тяжело, мне больно...

Ты ведь простишь мне все, мой старый друг? Сзади меня дорога, на которую не надо смотреть. Там страдания, кровь, пожары, слезы... Будем смотреть вперед — на солнце. Оно вечно. Если ты жива, после войны мы пойдем с тобой вместе по житейской дороге:

... Мой старый друг,
Не забывай меня...

Александр Погодаев. (Лит. Н.)

Войско Кубанское

Почти никто из казаков не знает, что еще за 100 лет до прихода запорожцев на берега Кубани здесь уже были казаки и что здесь существовало уже Войско Кубанское, образованное в 1692 г. выходцами с Дона.

Переселению донцов на Кубань предшествовала долгая и упорная борьба «за веру», которую вел вольнолюбивый Дон с правительством московского государства. Последнее неудержимо стремилось проникнуть к южным морям и подчинить себе донцов живших до того времени независимой жизнью. После того, как было подавлено разиновское движение в 1671 году, Войско Донское вынуждено было впервые принести присягу московскому царю Алексею Михайловичу, в том, что оно не будет поддерживать более неприятелей государевых. А по смерти царя Алексея, в 1676-м г. Войско уже принесло нормальную присягу подданных новому царю московскому. Хотя во внутренней жизни Войско Донское и продолжало быть самостоятельным, сохраняя свою государственную автономию, но в некоторых случаях оно должно было согласовать свою жизнь с требованиями московского правительства.

На Москве на это время происходила жестокая борьба между «староверами» и «никонианцами». Первые, последователи старого церковного обряда, не согласились с исправлениями священных книг патриархом Никоном и предпочитали нести свои головы на плахи под топор палачей, быть ссылаемыми в далекие края и терпеть всевозможные наказания, на которые так таровато тогдашнее жестокое время.

На казачьих землях были свои порядки, здесь каждый мог веровать как хотел и поэтому на Дон уходили исповедники старой веры под защиту казачьего Присуда. Понятно, что московскому правительству было безразлично то обстоятельство, что на Дону было пристанище бунтарей церковных и оно всячески требовало от Войска Донского искоренения староверов. В результате давления Москвы на Дону вспыхнула жестокая междусобная брань из-за права молиться и веровать по своему.

Низовая «черкаса» пошла, по велению Москвы, против своих хоперских собратьев, на землях которых по рекам Хопру и Медведице и на Чиру, свили себе гнезда староверы. После того, как в 1688 г. были разорены обители державшиеся старой веры и взят, после долгой и упорной осады, укрепленный городок в верховьях Медведицы-главный стан непокорных донцов, с Дона ушли каза-

ки под водительством атамана Льва Мапоцкова сначала на р. Куму, а потом на устье р. Терека, где и осели по его рукавам Сулаку и Аграхани. Северо-кавказский простор не был неизвестным казакам, в то время это была «земля ничья» по которой вольно ходили всякие добычники и «гулебщики» промышляя себе пропитание охотой на зверя, рыбной ловлей, а то и нападениями на караваны купцов и вообще иноверцев.

По р. Куме и за нею уже находились владения кабардинского народа, с князем которого Мимостом казаки заключили мирный договор. Мимост «дал им на миру безденежно тысячу возов хлеба», а казаки построили ряд городков на р. Куме, наделали морских и речных судов и занялись своим казачьим делом. Местные владельцы высоко ценили казаков за их ратные и мореходные способности и не давали их никому в обиду. Поэтому когда царь приказал донскому атаману Фролу Минаеву выбить ушедших на р. Куму, с помощью московского войска, то получил в ответ, что владелец Большой Кабарды князь Мисост и владелец северного Дагестана Шам хал Тарковский, принесли взаимную присягу не дать никому казаков в обиду и стоять с ними против царей Ивана и Петра Алексеевичей.

С Дона продолжали и далее уходить казаки и не только на Куму и Терек но и на Кубань, здесь они осели под начальством атамана Саввы Пахомова. Там где царская Москва не могла взять силою, она предприняла дипломатические шаги. Подкупленная ею кабардинская владелица Таукесана Тамбековна со своими мурзами согласилась помочь выбить казаков с Терека, при помощи большой московской рати. В сентябре 1692 г. прибыла эта рать к устьям Аграхани, но во время предупрежденные, атаманом гребенских казаков Куклой, донцы 18-го сентября, подняв свои знамена, взяв войсковую казну и пушки и гроб своего вероучителя старца Феодосия пошли с присланными с Кубани провожатыми, в далекий путь.

Кабардинские мурзы бросились за ними в погоню; на р. Сунже произошел жестокий бой, но все же казаки достигли кубанских пределов, соединились с сидевшими здесь казаками и построили себе укрепленный городок на устье р. Большой Лабы в р. Кубань — там где потом была станция Некрасовская.

Здесь стали они жить под атаманом Саввой Пахомовым, в общем ВОЙСКЕ КУБАНСКОМ.

Д-р Сергей Федоров. Казак ст. Расшеватской

КНИГИ ДЛЯ КАЗАКОВ

В издании журнала „На казачьем посту“ вышли из печати и разосланы воинским частям следующие книги:

КАРМАННЫЙ КАЗАЧИЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1944 ГОД

П. Н. КРАСНОВ.— Исторические очерки Дона. Часть I. Всевеликое Войско Донское. Выпуск I: от стародавних времен до 1613 года.

ЕС. МИХ. ЗЕМЦОВ.— Слышишь, Кубань? — очерки.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

П. Н. КРАСНОВ.— Исторические очерки Дона Часть I, выпуск 2.

ВАС. КАБАНОВ.— Девятсот тридцатый — очерк.

Исторические очерки Дона

Часть вторая

(Продолжение*)

VII

От казаков по военным обстоятельствам отобрали лошадей. Песня по этому поводу. Измаил. Штурм Измаила. Подвиг Донского генерала Матвея Ивановича Платова. Взгляды Суворова на добычу.

Вторая Турецкая война была полна подвигов оказанных Суворовым и русскими войсками. Крепость Очаков была взята, под Рымником Суворов на голову разбил турецкую армию, за что получил от императрицы Екатерины II наименование «Рымникского».

Шел третий год войны. Русские войска подошли к Дунаю. Осенний поход через Молдавские степи был очень тяжел для русской конницы. Многие ее полки потеряли лошадей, гусары потеряли и оружие. Главнокомандующий Русской армией Потемкин приказал отобрать лошадей и оружие от казаков, с'умевших и в тяжелых условиях безкормицы и похода по топкой грязи сохранить и тех и другое и передать коней в кавалерийские полки, а оружие отдать гусарам. Неохотно расставались казаки со своими доморощенными конями; на них смотрели, они, как на членов семейства, как на своих близких, на «дома» приведенных друзей. Сложилась в ту пору об этом песня:

— «Ах ты, батюшка, воеводушка.
Ты за что на нас прогневался?
Или сделали тебе изменушку,
Или изменушку, переменушку?
Ты зачем у нас коней побрал,
Ты коней побрал, по полкам раздавал,
Ты по тем полкам, по гусарским?
Ты полковника у нас разжаловал,
Есаулушков на часы ставил.
Аль мы в чем тебе прослужились?
— «Я затем, у вас коней обрал,
Я коней обрал, по полкам раздавал,
Что во всех полках кони выпали,
Генералушки все приопешили,
Лямочки на плечах несут,
А орудия на себе везут»...

Позднее осенью 1790-го года турецкая тридцати-тысячная армия укрылась в крепости Измаиле на Дунае. Отлично укрепленная французскими инженерами крепость эта считалась неприступной. В ней было около трехсот орудий, большие запасы продовольствия, командовал войсками, в крепости находившимися, поседельный в боях Айдос-Мехмед паша, человек твердый и бесстрашный.

Русский осадный корпус в 30.000 человек, в том числе 13.000 пеших казаков, был без осадных орудий, боевых припасов не доставало. Продовольствия было недостаточно.

Был полбрь. Лили дожди. Войска стояли в палатках. Кругом была непролазная грязь. Много солдат было больных. В эту то пору к осадному корпусу прибыл Суворов. Он приехал верхом на казачьей лошади в сопровождении одного казака, везшего в руках небольшой узелок — все имущество Суворова. Шел проливной дождь. Плащ на Суворове старый, ветхий, — солдаты называли его «родительским» — промок насквозь; сам Суворов был в дорожной грязи... Он объехал крепость, осмотрел войска. Ему было приказано взять Измаил. Требовали от него невозможного. Это понял Суворов, но не растерялся. Понял одно — брать осадой бесполезно. Надо брать открытым приступом, неприступную крепость брать голыми руками.

30-го ноября Суворов приказал своему корпусу готовиться к штурму крепости. Строили 40 штурмовых лестниц и 2.000 фашии. Суворов в сопровождении казака Ивана постоянно ездил по работам подъезжал к солдатам и казакам и говорил:

— Валы Измаила высоки, рвы глубоки, а все-таки нам нужно его взять. Такова воля матушки Государыни.

Солдаты смотрели на своего корпусного командира и говорили уверенно:

— С тобой возьмем! Чего там!

* См. №№ 17 и 18 «На Каз. Посту».

7-го декабря Суворов послал начальнику крепости записку с предложением сдать Измаил:

— «Сераскиру старшинам и всему обществу, — писал Суворов, — с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление — воля; первый мой выстрел — уже неволя; штурм — смерть. Что оставляю вам на размышление...»

— Скорее Дунай остановится в своем течении и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил, — отвечали турки.

9-го декабря Суворов в своей палатке собрал генералов на военный совет. Собралось тринадцать генералов. Младшим из них был Донской генерал-майор Матвей Иванович Платов. Суворов коротко рассказал о положении дел, серьезности и опасности открытого штурма, о невозможности продолжать осаду и предложил высказаться, начиная, как то было принято на таких советах, с младшего.

Платов встал смело и отчетливо сказал:

— Штурмовать!

Все остальные генералы подтвердили мнение Донского генерала.

Суворов встал, обошел всех, перецеловал, вышел из палатки и, обращаясь к генералам, отдал короткий приказ:

— «Сегодня молиться, завтра учиться, после завтра или победа, или слабая смерть».

На 11-е декабря был назначен приступ всех войск. Для атаки с суши было приготовлено шесть колонн, три колонны с резервом шли со стороны Дуная для высадки. Пятая колонна состояла из Донских казаков. Донцы шли наравне с пехотой, за неимением оружия они шли с укороченными пиками, а те, которые несли лестницы и фашины шли и во все без оружия. Колонна эта была разделена на две части — одною командовал Платов, другою Орлов.

Ночью на 11-е были вызваны охотники идти и засыпать рвы фашинами. Вышли самые отчаянные казаки.

За ними двинулись колонны штурмующих войск и стали у крепости, ожидая сигнала для начала приступа.

Была зимняя, темная, хмурая, беззвездная ночь. Казаки пожимались от холода и от волнения ожидания.

Вдруг, шурша, взвились к небу ракеты и лопнули высоко в небе, в черных тучах. Полки кинулись на штурм...

Первыми взобрались на стены Измаила Платов, Орлов, Денисов и войсковые старшины Греков и Краснов.

Началась рукопашная свалка.

Когда наступило хмурое зимнее утро крепость была в руках Русских войск. Бой шел в тесных улицах. К часу дня войска достигли середины города. В улицах турки были перебиты. Они оборонялись в главной мечети, в двух больших караван-сараях (гостиницах) и в срединном замке — Табия. Наконец, и там сопротивление было сломлено и турки стали сдаваться.

Защитивший с двумя тысячами янычар один из караван-сараяв Айдос-Мехмед паша был в пылу боя убит гренадерами фанаторийского полка.

К четырем часам дня вся крепость была в руках Русских войск. Суворов отдал ее войскам на три дня на разграбление.

Неприятеля было убито в крепости 26.000, пленных взято 9.000, мирных жителей, женщин и детей оказалось в крепости около 9.000. 265 пушек, 364 знамени и 7 бунчуков достались Русским. Около 10.000 лошадей было захвачено в крепости. Казачьи полки вооружились и сели на коней. Корпус Суворова потерял 10.000 убитыми и ранеными. Из 650 офицеров — 400 пало при штурме.

Войска получили богатую добычу. Суворов не взял себе ничего. Ему привели прекрасного арабского коня в богатом, шитом золотом и усеянном самоцветными камнями уборе. Суворов отказался от него.

— Ваше превосходительство, — сказал ему один из генералов, — тяжело будет вашему коню везти добытую вами славу.

— Донской конь всегда выносил меня и мое счастье, — ответил Суворов.

— Да, — говорили стоявшие кругом казаки и солдаты: — наш Суворов в победах и во всем с нами в паю, но только не в добыче...

За эти годы Суворовских побед — казачья удаля, отвага, смелость, победа сливались в одно с удаляю, отвагой, смелостью и победой Российского солдата. В этих победах ковалось

братство донского казака и Русского Екатерининского солдата...

VIII

Восстание в Польше. Битва у Мацевич. Донские казаки берут в плен предводителя восстания Костюшку. Казачья песня о том.

4-го апреля 1794-го года в ночь на Светло-Христово Воскресение поляки вероломно напали в Варшаве на Русские войска и перерезали всех офицеров и солдат. Тоже было сделано и в других городах, где стояли Русские войска. Поляки называли это «кровавою заутреней». Во главе польского восстания стал Костюшко.

Императрица Екатерина II приказала генералам Суворову и Ферзену подавить восстание и примерно наказывать поляков. Русские войска весной вошли в Польшу, имея целью захватить Костюшку и взять снова Варшаву. Казачьими полками, входившими в эти войска командовал генерал граф Федор Петрович Денисов. Одним из полков казачьих командовал полковник Адриан Карпович Денисов, герой Измаильского штурма...

Поляки, пользуясь густыми, непроходимыми лесами и болотами действовали малыми партиями, почти неуловимыми для Русских войск.

В сентябре Ферзен узнал, что главные силы Костюшки окопались в лесах у деревни Мацевичи. 27-го сентября Русским войскам удалось окружить его. Поляки были разбиты, часть взята в плен, часть перебита. В разгар и сумятицу боя, когда свои смешались с чужими, командовавший казачьим авангардом из двух полков, Денисов, заметил, как какой то прекрасно одетый всадник на буром коне прорвался между Русских конно-егерей и во весь опор помчался к лесу.

«Наверно это Костюшко», — подумал Денисов, — подозвал к себе майора Карпова и приказал ему оставить взятые казаками пять пушек, рассыпать по лесу четыре сотни казаков и поймать богато одетого всадника.

Казаки рассыпались по лесу. Несколько казаков, скакавших по дороге увидели, что на перекрестке пологаны жердяные заборы, идущие вдоль дороги и на лугу видны свѣжне следы копыт. Два казака Лосев и Тапилин поскакали по следу.

Они скоро нагнали поляков скакавших на прекрасных конях. Те поляки, которые выбрались на дорогу, скоро исчезли из вида казаков, но трое, пошедших напрямик лугами попали в болото. Лосев и Тапилин настигли их. Одного — майора — убили, солдата ранили, а третий, бывший на сильной лошади, выскочил из болота, но, проскакав несколько шагов снова попал на топкое место и загруз. Он соскочил с лошади и накрывшись плащом, притворился мертвым. Лошадь его справилась одна и, выбравшись из топи, ускакала. Один из казаков кольнул лежащего под плащом поляка два раза дротиком и приказал выйти из болота. Начальник сдался. Он стал отдавать казакам деньги и часы. В это время к казакам подкал конно-егерский вахмистр и ударил польского начальника палашом по голове. Тот упал. Лежавший в болоте раненый поляк крикнул:

— Не убивайте его — это самый наш главный начальник.

Один из казаков поскакал за Денисовым.

Денисов, не раз видевший Костюшку, сейчас же узнал его. Голова Костюшки была в крови, ноги без сапог. Одет Костюшко был в кафтан, атласный жилет и штаны. Он лежал на траве. Денисов приказал накрыть его шинелями, и спросил его не хочет ли он чегонибудь.

— Ничего, — ответил Костюшко.

— Я знаю, — сказал Денисов, — что вы Костюшко, храбрый и великий начальник. Я готов вам помочь.

— Я знаю, что вы Денисов — полковник, — ответил Костюшко.

Костюшко перевязали платками и галстуками, сделали из пик носилки и понесли из леса.

Так донские казаки взяли в плен Костюшку, душу польского восстания. Взяли, и песню о том сложили:

— Не ясен то сокол по тем горам летает,
То Костюшко варвар по своей армейшке разъезжает,
Он фронты то свои, знаменушки украшает,
Своих мызничков, генералушков ублажает:
— «Вы не плачьте же мои мызнички, право, генералы,
Не рыдайте же вы, мои свирепые кавалеры.
Как завтра у Бела Царя будет праздник,
Не маленький праздник, праздник Петров день,
Все рыпушки, трактирушки будут растворены,
Все гусарушки, все уланушки будут пьяны,
Казаки наши Донецкие загуляют...»
Как на тот-то раз казаки-други были осторожны,
Всю ночь казаки-други не спали,
В руках то своих борзых коней продержали,
На белой-то заре, на утренней, ура закричали.

Закичали они, закичали, Костюшку поймали,
Да велели-ж его, Костюшку, накрепко связать,
Приказали у него скоро допрос допросить...

Пленение Костюшки тяжело отозвалось на духе польских войск. Польские отряды стали стягиваться к последней своей опоре — Варшаве.

24-го октября Суворов соединившийся с Ферзенем, штурмом взял Варшавскую крепость Прагу. Вслед затем пала и Варшава.

Казачьи полки простояли в Польше еще год. Зимой 1795-го года они вернулись на Дон.

IX

Донские полки в Австрии. Смотр Императором Австрийским в гор. Брюнна. Встреча Суворова с Денисовым и урядником Селезевым. Взятие города Бергамо в северной Италии. Вступление в город Милан. Сражение на реке Треббии. Суворов и урядник Селезев.

Маршалу Суворову шел семидесятый год, когда он, находившийся в немилости у Императора Павла и проживавший у себя в маленьком имении в селе Кончакском, получил приказ Императора принять командование над Русскими и Австрийскими войсками, сосредоточенными в Австрии и идти в северную Италию, чтобы выгнать оттуда французские республиканские войска.

В итальянский поход с Суворовым с Дона было послано восемь полков: Денисова, Поздеева 1-го, Грекова 8-го, Молчанова, Семерникова, Курнакова, Сычева и Поздеева 2-го — всего 4162 казака под общим начальством героя Турецкой войны и усмирения Польского мятежа Адриана Карповича Денисова.

Зимой 1799-го года казачьи полки потянулись походом через Австрийские земли. Император австрийский с императрицей в городе Брюнне състрел казаков. Он был в восхищении от лихой езды Донцов и их умения преодолевать самые разнообразные препятствия. Казаки прошли в Вену, ночевали там, и в начале апреля 1799-го года вступили в северную Италию.

9-го апреля в городе Валеджио их встретил Суворов.

Сердечные, простые, настоящие военные, товарищеские отношения были между фельдмаршалом и его сотрудниками. Суворов был для казаков своим и казаки смотрели на Суворова, как на своего. Они любили и берегли его в боях и на походе.

— А, Карпович, здорово, — приветствовал Суворов Денисова. — Вот и опять со мною. Повоеем еще. Побьем французишек! Побьем ведь?

— Еще и как побьем то, ваша светлость.

Здесь явился Суворову бывший при нем в прежних походах урядник Евсей Селезев, казак Березовской станицы; ему было за сорок лет.

— Что, Евсей, постарел твой фельдмаршал? — сказал казак Суворов.

— Не помолдеешь с годами, ваша светлость. Про вашу тяжелую жизнь эти годы слыхали... Поберегать вам себя надо-ть... Не как прежде... — сурово сказал Селезев.

— При мне опять будешь, — сказал Суворов и проворчал — поберегать!... поберегать!...

Прошло четыре дня и вот они, еще невиданные казаками французы.

13-го апреля полки Денисова и Грекова, бывшие в авангарде князя Багратиона, определили у города Бергамо отступавшую французскую армию.

Ночью пролил дождь. Глинистые поля размокли, вязко было скакать по ним. Отступавшие французские полки хотели укрыться за стенами замка Бергамо и вошли в тѣсные улицы города. Казаки полка Грекова вскочили за ними и начали колоть их пиками. Французы первый раз увидавшие казаков и их страшные пики подняли крик. Казаки чтобы удобнее было колоть в тесноте улиц соскакивали с коней и бились пешком.

Адриан Карпович Денисов прискакал в город.

— Вперед, любезные друзья, вперед! — кричал он.

Казаки погнавши французов за город выставили сторожевое охранение, а сами расположились в городском замке. 19 осадных орудий, много ружей, запасов и знамя были захвачены здесь казаками. Начальник города поднес Денисову ключи от крепости. Денисов послал ключи и донесение Суворову.

Ночью лил проливной дождь. Дул ледяной ветер. По грязной размытой дороге в Бергамо прискакал Суворов, в мокром плаще, забрызганный грязью, как когда то прискакал он и к Измаилу. Он вошел к Денисову, обнял его и сказал:

— Спасибо, Карпович, спасибо! Порадовал старика. Зови Грекова, офицеров, казаков, хочу видеть их, благодарить за первую славную победу над французишками. Ишь какие! — крепости конной атакой берете...

Не зря говорится: — «почин дорожке денег...» Так и пошло... с Суворовым...

На другой день, 14-го апреля, Суворов разбил французов на реке Адде. 17-го апреля донской майор Миронов торжественно вошел в главный город северной Италии Милан... Быстрота и натиск шли с Суворовым.

Больше месяца Русские войска простояли в Милане, тем временем командующий французской армией, генерал Макдональд, отошел к реке Тидоне; 6-го июня Русские войска его настигли; был жестокий бой и 7-го июня Макдональд отошел к реке Треббии. Здесь Макдональд обрушился на австрийцев и те начали отступать. В самый разгар боя, в жару и пыль Суворов подскакал к казакам. Он был в белой рубашке с орденом поверх нее, с непокрытой головой он показал казакам на наступавших на австрийцев французов и крикнул:

— Помилуй Бог, как хорошо!... Руби!... Коли!... Ура!...

С грозным топотом конских ног развернулись казачьи полки. Склонились пикн. Протяжный казачий гик раздался по полям. Через канавы, обсаженные кустами, через каменные стенки виноградников понеслись казачьи сотни на французские карре. Наступление французов было остановлено. Русские войска и впереди их князь Багратион с авангардом спешили на выручку австрийцам. Была жара. Полки Багратиона, с ночи в походе, изнемогали от усталости. Багратион остановился. Суворов подъехал к нему рукой показал — «идти вперед».

— Нельзя идти дальше, — сказал Багратион, — много отсталых. Измучены люди... Повременить надо... В ротах не насчитывается по сорока человек.

Суворов наклонился к уху Багратиона и сказал:

— А у Макдональда нет и двадцати. Атакуй с Богом!

Багратион встал.

— Барабанщик бей атаку! — крикнул он.

Зангала музыка, забили барабаны, солдаты запели полковые песни, Багратион ударил на Макдональда.

Суворов поехал с полками. Свистали пули, ядра носились над ним. Когда он заезжал слишком вперед, Селезнев хватал лошадь Суворова за поводья и поворачивал обратно.

— Ты что! — кричал Суворов и замахивался плетью, — как ты смеешь!... Генерала!... Фельдмаршала!...

— Не пушу и все тут... Не фельдмаршальское это дело, чтобы полки в атаку водить... Прикажи и без тебя пойдут. А твоя жизнь дороже для нас.

Уводил Суворова из сечи. Поберегал Русского фельдмаршала донской урядник Селезнев.

Тидоне... Треббия... Почти вся французская армия, действовавшая в северной Италии, была истреблена. Суворов замышлял поход во Францию... На Париж!...

Х

На помощь австрийцам через Альпы. Там, где перелетали только орлы, прошла Русская армия Суворова. Мир с французами. Благодарность Суворова казакам. Суворов шеф 1-го казачьего полка. Казачья военная слава.

Австрийская армия была окружена французами в Швейцарии. Итальянскую армию Суворова потребовали выручать австрийцев.

Перейти через Альпы в осеннее время да еще с армией и ее тяжестями, перейти с боями с французами в горных кручах считалось невозможным. Только орлы перелетали Альпийские горы.

Суворовским «чудо-богатырям» и это оказалось возможным.

В сентябрьские ненастные дни, в снежные метели по еле видимым горным тропам шли казаки и солдаты с боями через крутые альпийские горы. Когда ночевали на Сен-Готарде был ледяной ветер. Нигде не было топлива, нельзя было развести костры. Казаки поставили лошадей в круг, сами стали в середину круга и согревались конским дыханием.

По ночам, когда отдыхала пехота, казаки ходили на разведку, рыскали по неприступным горным кручам между угрюмых скал и истребляли французские посты, не зная ни отдыха, ни сна.

4-го сентября начался этот безпримерный в военной истории альпийский поход и окончился 12-го октября.

Суворов в приказе по армии отметил казаков: — «в тяжелом пути», — писал он, — «казаки Денисова и Курякова много способствовали. Они открывали рассеянного неприятеля в выгодных для него местах и вместе с пехотой били и брали в плен...»

С ужасом и удивлением вся Европа следила за движением Суворова. Швейцарцы, жители этих гор, не верили, что можно перевести армию через Альпы.

По окончании перехода, в Австрии, Суворов получил приказ возвращаться в Россию. Недовольный действиями австрийцев император Павел прекратил войну и заключил мир с французами. Он замышлял новое великое предприя-

тие, выгодное для России, и хотел поручить его Донским казакам.

Подвиги, совершенные казаками в Суворовские войны не были забыты. 16-го апреля 1901-го года Императором Николаем II донским полкам были пожалованы «шефы»^{*}). 1-й Донской казачий полк, стоявший тогда в Москве, был наименован 1-м Донским казачьим Генералиссимуса Князя Итальянского, графа Суворова Рымнического полком. Не были забыты и ближайшие сотрудники Суворова: — имя «Карповича» — Денисова получил 7-ой Донской казачий атамана Денисова полк, имя Краснова 1-го полк и Грекова — 16-й Донской казачий генерала Грекова 8-го полк.

Войны, веденные Россией во вторую половину XVIII века, Суворовские победы и Суворовская Школа сильно изменили взгляды Донских казаков. Они по прежнему служили в Русской армии отдельным войском, но они тесно вошли в эти войны в Русские войска, сдружились с их начальниками и солдатами. Прежняя недоверчивость, отчужденность ревнивое оберегание своей самостоятельности, своих прав, своего «казачьего присуда» сменились ревнистым служением Российской Императрице и Императору.

Весомое, наживное, житейское, проходящее, как и сама воля, независимость, земли, богатства, жизнь, здоровье и силы — все это отдавалось под влиянием войн, их тяжестей и под влиянием таких высоко нравственных учителей, какими были Суворов и его сподвижники за невесомое, вечное, духовное, за великую Донскую казачью славу...

Листок за листком влетали Донцы, лавры в венец славы казачьей. Полнили страницы неветшающей истории подвигами своих доблестных сынов.

Когда во время 1-й Турецкой войны колыхнул донской казак Емельян Пугачев всем понизовьем Волги, потряс свирепым и беспощадным крестьянским мятежом Москву — устояло Донское войско, не поддавшись соблазну бунта, осталось верным данной им присяге.

(Продолжение следует)

П. Краснов

* Шеф в переводе буквально — начальник. Это было почетное название полка именами особенно отличившихся подвигами в войнах или особо высоких людей. Шефами были Государь, Наследники Престола, Великие князья и некоторые генералы по особому представлению. Шефом был у Казаков и казак Ермак Тимофеевич.

Наследие

Скажи — о чем? Не вспомнилась ли степь,
Что так задумался, печально лоб нахмуря?
Благослови века, что выковали крепь
Души казачьей, зарожженной в бурях!
Помят ковыль... кровавые следы...
Из бездны лет несется скрежет боя.
Зипунных рыцарей бесстрашные ряды
Давным-давно сомкнулись под землею...
На рубежах смиряли татарву,
Сбивали спесь с нарядных, чванных ляхов,
Несли дары в престольную Москву,
Служа царям за совесть, но без страха.
Тянулись вдаль — с борьбой искать земли,
Рукой своей просторы раздвигали!
Была гроза в угрюмом виде лиц,
И не давали промаху пищали.
За родом род для вечности вставал:
Удел бойца был каждому назначен.
Дымилась степь... Сносил девятый вал
С откосов жизни вольницы казачьи...
И так дошло столетьями до нас.
Но мы живем в столетьи самом грозном.
И страшен взгляд горящих мпением глаз,
А горе, в нем застывшее, бесслезно...
Скажи — о чем? знать снова вспомнил степь,
Что так задумался, печально лоб нахмуря?
Казак! прославь века, что выковали крепь
Души отважной, зарожженной в бурях!

Мария Волкова.

Казачья слава

В разгаре октябрьского переворота Уссурийская конная дивизия, возвращаясь домой, прошла всю Россию, сохранив оружие, боевые знамена и своих офицеров.

Располагаясь своими линиями по окраинам Российского государства в его соприкосновении с полудикими и кочевыми народами Азии, казачья войска Сибиря на всем протяжении их исторического существования служили верным оплотом внешней безопасности страны.

Казачья явилась тем охранительным началом, которое служило оплотом закона и порядка.

Естественно, что вернувшись в родной край, дальневосточные казаки, не знающие политических уклонов, тотчас встали на борьбу с большевиками.

Начал ее никому неизвестный тогда есаул забайкалец Григорий Михайлович Семенов.

Дальний тыл — Харбин — косовато смотрел на начинания атамана: авантюра, говорили там и даже ставили палки в колеса. Авантюра, — надменно говорили пробиравшиеся с последними экспрессами из сов. России «военные авторитеты» и старые «служачки» всех рангов. Но иначе взглянула на дело красная Москва и в короткий срок сосредоточила против Особого Маньчжурского Отряда целую армию, во много раз превосходившую силу атамана. Эта борьба полна интересных подробностей и героизма.

Всего в Маньчжурин собралось казаков-восточников около двадцати тысяч. За двадцать лет они значительно пополнили свои ряды одностаничниками, которые с риском для жизни нелегально переходили границу.

Осели казаки: уссурийцы на востоке, амурцы в низовьях Сунгары, забайкальцы у Хайлара.

Трехречье, по правым притокам Аргуня, — Гану, Дербулу, Хаулу, — в скором времени стало крупным центром жизни.

С крахом в Маньчжурин Гоминдановской власти молодая империя полностью пошла навстречу желаниям казачества. Это единственный район в мире, где жизнь казачья идет, как у себя на Родине, по старым обычаям и укладам, где звонят церковные колокола, где желтые лампы и желтые околыши фуражки стали обычным явлением. Где часто можно встретить идущую на рысях полусотню. Бряцает оружие, поднимается пыль по станице.

Перед самой войной, по желанию местных властей, был произведен смотр казакам Хайларского отдела. Смотр производился отдельно по станицам.

В последнем письме есть выдержка обращения к казакам: «Теперь мы не одни в нашей борьбе с мировым

Казак, казачек,
Казак миленький дружок,
Сядь, соколик, на коня
Погляди ты на меня.

Я и рад бы поглядеть,
Да в поход пора лететь.
Я и рад бы и обнять,
Да коня пора седлать.

злом — коммунизмом: здесь, на Востоке, дело с кровавой заразой в Китае победоносно завершает славный в своих победах Императорский Ниппон. На западе народы Германии и ее союзники, освобожденные от красного засилья, протягивают руки помощи другим народам. В эти ответственные сроки, когда решается судьба нашей Родины, мы все должны быть крепки духом, едины вокруг нашего вождя — походного атамана ген.-лейт. Г. М. Семенова и сильны порывом все отдать для освобождения и счастья нашей Родины»...

П. Гр.

Казачья слава

Летит казачья слава
В отряды и полки.
Стремятся в бой кровавый
Кубанцы-казаки!

Вперед! — сыны Кубани
Под смертный ураган, —
На поле смертной брани
Мы отомстим врагам!

Зовет Кубань родная,
Зовет их тихий Дон,
Их песня удалая,
Как сабель гулкий звон.

Пусть мчится с нами слава
В отряды и полки!
Вперед! На бой кровавый,
Герои-казаки!

Ясько Алексей.

Из прошлого станичной жизни

(Бытовое)

Еще летом Тимофей Кравченко знал, что предстоящей осенью родители намерены его женить, чтобы на службу шел женатым. Сказала об этом Тимофею его младшая сестра, случайно слышавшая разговор родителей.

Она, правда, ничего не могла сказать брату о том, к кому решили родители послать старост, кого наметили в жены Тимофею. Он, правда, не сомневался, что родители не станут возражать против его желания жениться на Наде Твердохлеб — дородной, черноокой красавице, тихой и застенчивой, стыдившейся своей красоты и выющихся локонов.

Тимофей о решении родителей его женить, сказал Наде...

Краснея и подбирая слова, Надя спросила парубка, которого безгранично любила:

— А кого же родители думают за тебя сватать?

— А того, кого я захочу, кого я люблю... А кого — ты знаешь, — с некоторой гордостью ответил парубок, но все же не сказал, что намерен жениться именно на ней. Поняли друга друга без слов.

Где то в глубине души у девушки таилось сомнение, таился страх... Она знала, что Тимофей ее любит, что его родители не будут против женитьбы сына на ней. Она имела полное основание так думать, т. к. хорошо помнила, как мать Тимофея заходила к ним несколько месяцев тому назад. Никто не понял чего она хотела, чем вызван ее визит, но Надя сердцем почувяла, что мать Тимофея приходила посмотреть на нее, на будущую жену своего сына. Уходя, она пристально посмотрела на Надю, обдав ее теплом своих добрых голубых глаз.

...А такие же голубые глаза, добрые глаза и у Тимофея, — подумала Надя... А в сердце опять заняло сомнение.

В эту осень предстояло ходить на зимние занятия. Решено было, что на доморощенном Лыске, пойдет он в полк.

Лыска Тимофей сам растил и холил и конь был привязан к нему по-собачьи. Он становился на колени, ложился, брал барьеры, своим звонким ржаньем просил сахар или корку хлеба под окном. Иногда в открытое окно кухни просовывал свою голову, радостно заржав, чем не мало пугал мать Тимофея. Кроме этого, Лыско находился в большой дружбе с огромным псом неизвестной породы, зато с громкой кличкой — Казбек.

Все в доме любили лошадь сына Лыска. Любила его и Надя, не раз украдкой следившая из-за занавески, когда любимый казак вихрем несся по улице мимо окон своей возлюбленной, показывая лихость и казачью ловкость верховой езды...

Как то после праздника Пасхи шла она с подругами на площадь, где предстояла джигитовка. Со всех улиц вихрем неслись верховые парубки. Внезапно из-за угла на полном карьере подлетел к ним Тимофей, камнем соскочил с лошади, немало напугав девушек.

— На джигитовку спешить, Тимоша?... спросила одна из девушек, здоровавшегося с ними заруку Тимофея.

— Да нет. Вас подгонять, чтобы скорее шли на площадь. Какая же джигитовка, если нет там дивчат, — ответил Тимофей под общий хохот девушек.

Когда шел этот разговор, Лыско потянулся мордой к Наде. Та погладила его. Лошадь еще ближе потянулась к девушке, радостно заржав.

Все это заметили и несколько удивленно посмотрели на Надю, залившуюся краской.

— Тебя, верю, лошадь хорошо знает? — спросила одна из подруг, многозначительно улыбаясь...

— Да нет... Первый раз так близко подехал я, — ответил за нее Тимофей.

Надя еще больше покраснела. Парубок повернул коня и вскочил в седло. Лыско еще раз потянулся к Наде.

— Привыкаешь Лыско? Привыкай... бросил Тимофей и помчался к площади.

После этого случая, Надя не раз баловала Лыска кусочком сахара, ибо чаще теперь встречала Тимофея неподалеку от своего дома, верхом на своем Лыско...

После праздника Покрова Пресвятой Богородицы, после страдной поры, когда казак-земледелец работал от зари до зари, настал период отдыха, настал период, когда по станицам «играли свадьбы».

Хотя родители не сомневались, что сын уже знает о их решении женить Тимофея этой осенью, но мать сказала сыну об этом, а потом, через 2—3 дня, когда вся семья вечеряла сказал и отец. — Старостами позовем Ничипора Сидельника да Поликарпа Мокроноса. Я уже с ними говорил, — закончил старый Кравченко.

— А к кому же идти со старостами? — робко спросил Тимофей отца...

Отец удивленно посмотрел на сына, а потом на жену и по выражению глаз последней понял, что та не сказала сыну о решении иметь невесткой Надю Твердохлеб...

— Что же ты, сынок, меня спрашиваешь, — мягким, ласковым голосом сказал отец. — Ведь себе же, а не нам ты берешь жену? Нам с матерью нужно, чтобы была хорошая хозяйка и нас, стариков, шанувала... Там, говорят, у Твердохлеба дочка на поре... А потом, обратившись в сторону жены, добавил:

— Ты, стара, ее видела? Что она подходящая?

— Видела, старый. Славная девушка. Тихая и кроткая. А красавица! Загляденье...

— Да с красоты воды не пить, — сказал отец...

Сердце Тимофея радостью билось и он никак не мог дожидаться вечера, чтобы поделиться радостью с любимой девушкой...

С веселыми шутками и прибаутками вошли в хату Твердохлеба старосты — Сидельник и Мокронос, сопровождавшие молодого Кравченко, совсем оробевшего, переступив порог будущего тестя.

На лицах родителей Нади изобразилось удивление. Так требовал обычай выражать удивление, хотя бы даже и ждали визита жениха.

Конечно, как и следовало ожидать, родители Нади и руками и ногами отмахивались, заявляя, что их дочь еще молода и выдавать ее замуж они не будут.

Как не старались старосты оставить хлеб в доме невесты, им это не удалось.

Во второй визит Тимофея с старостами будущая жена его Надя, повязала старостов ручниками, вышитыми собственноручно, а жениха — синим шелковым платком.

Дело казалось сделанным. И Тимофей и Надя уже мечтали о своей счастливой жизни, но в дело вмешался дедушка Нади и заявил, что он своего согласия на этот брак не дает.

Истари велось у казаков уважать седину. Без совета и согласия седобородых старцев ничего в казачьей жизни не предпринималось, а поэтому несогласие дедушки являлось далеко не легким препятствием.

А дедушка кратко и определенно заявил, что за такого розбышаку и хриstopродавца он своей внучки не отдаст.

Из дальнейших слов дедушки Надя поняла, что ее будущий муж, Тимофей обидел старика. Но где, когда и чем?

Надя поспешила сказать об этом жениху. Ломал голову и он, но никак не мог вспомнить, чем и когда навлек на себя гнев старика...

А дедушка все повторял:

— Неуважение допускает... не остановился... Видано ли это у казаков? А?

И вспомнилось Тимофею прошлое лето. Проезжал он, едуци в степь, мимо бахчи Твердохлеба. По ней медленными шагами расхаживал старик Твердохлеб. Тимофей с ним поздоровался, но не остановил лошадей, не спросил о здоровья, о делах и проч.

Решил дело поправить. Знал он, что старый Твердохлеб перед вечером ходит к речке, где живет такой же старик, как и он, занимается рыболовством. Вот к нему то и ходит покалякать старик...

По дорожке, идущей обрывом, идет дед Твердохлеб, время от времени выпуская изо рта клубы дыма.

Тимофей пошел навстречу.

Поравнявшись со стариком, он учтиво проговорил:

— Здравствуйте, дедушка Платон Харитонович! Как ваше здоровье? Старенький вы, а вот казацкий обычай соблюдаете, трубочку курите. Наши предки запорожцы, без трубки и шагу ступить не могли... Я люблю пример брать со старших и себе люльку купил...

Дед Твердохлеб сурово посмотрел на Тимофея, но все же ответил на его приветствие:

— Здравствуй, молодец!

Оба остановились.

— Ну, закуривай, — предложил дед, выбивая пепел из трубки.

Тимофей вынул шелковый кисет, наполненный «легким» табаком и протянул деду со словами:

— Набейте, дедушка, трубочку из кисета, шитого вашей внучкой.

Сказал это Тимофей мягко и ласково, именно так, как приятно было говорить со старшими.

Глаза старого Твердохлеба загорелись добрым старческим огоньком.

— Скинь шапку, — сказал он Тимофею. Тот повинился и скоро курчавый чуб Тимофея был в руке старого Твердохлеба. Легонько подергав парубка за чуб, он отпустил, а потом, ласково посмотрев на Тимофея, сказал:

— Иди скажи, что я уже выдрал тебя за чуб за непочтение к моей седине... Скажи, что я согласен...

Тимофей низко поклонился, поблагодарил и хотел было идти, но дед его остановил:

— Пстой!

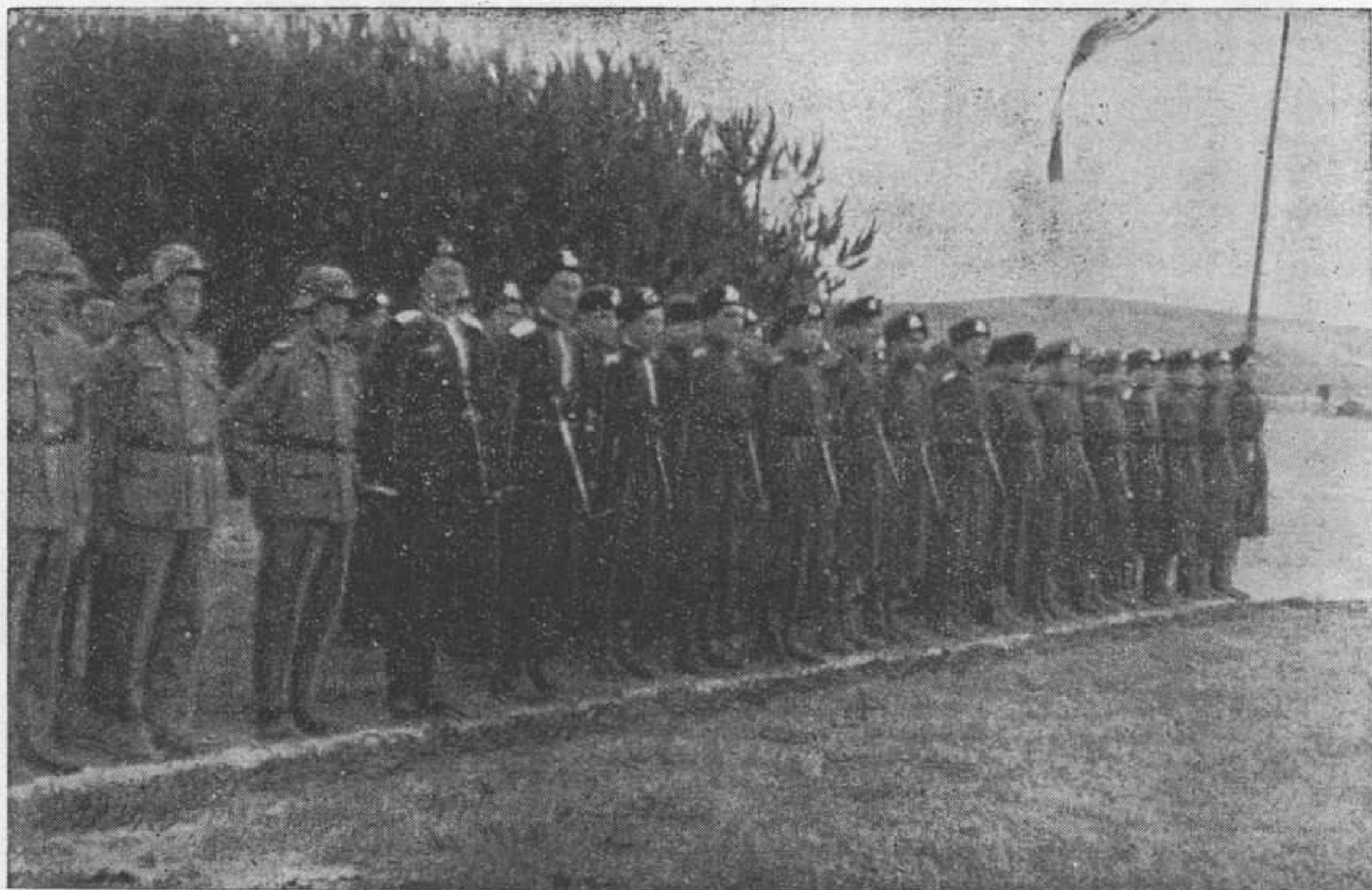
Тимофей остановился. Старик подошел к нему в плотную, перекрестил будущего зятя и поцеловал. — Теперь иди с Богом. Христос с тобой. Помогай вам Бог обним...

Тимофей не помнил, как добежал до двора Нади. Когда он вбежал в хату, то в одной руке держал кисет, а в другой шапку и во все горло закричал:

Согласился дедушка! За чуб меня выдрал, но согласился!..

Препятствий больше не было. Свадьба была сыграна по казачьему обычаю, и соблюдая старый казачий адат, стариков, во главе с дедом Твердохлебом посадили «в красном углу». Молодые парубки проявляли к ним особое уважение, ибо последний случай им напомнил, что седину по-прежнему нужно уважать, оставляя без внимания все старания новаторов, проповедывавших равноправие молодых и старых...

Еф. Якименко. (Лит. К.)

Кубанский казачий хор, пользующийся большим успехом в своих многочисленных концертах по селам и городам Германии, знакомит Западную Европу о казачьей народной песней

Жизнь победила!

Казачьи части, под сильным натиском превосходящих сил большевистских войск, с боями отступили на юг. Был 1920 год.

Помощника командира 1-го Волгского полка есаула Николая Кулакова ранили. После ампутации обеих ног на второй день есаул пришел в сознание. Тяжелое чувство обреченности камнем легло на душу.

— Вот так и кончилась моя казачья слава, — думал он. — Никогда уж не бывать мне на поле брани!

Двадцать лет прослужил есаул в 1-м Волгском полку. Получил четыре Георгиевских креста и Георгиевскую медаль 4-й ст., ордена Анны 4-й и 3-й ст. и Станислава 3-й степени.

— Боже мой, кому я, калека, нужен? Зачем я теперь жене?

Но жена его, Дарья Пименовна, узнав, что муж ранен, отыскала его и сама ухаживала за ним в санитарном поезде. Казачьи войска отступили к Новороссийску. В том же направлении продвигался и санитарный поезд.

Новороссийск. Ночь. Большевики занимают пристань. Паника. В санитарном вагоне, кроме есаула и его жены, ни души. Все разбежались. Кто-то вошел в вагон.

— Ага, офицерье! Добровольцы! Давай золото, туды...

Площадная ругань, пинки. Есаула сбросили на пол... Ушли. Но пришли другие. Так продолжалось несколько дней. Дарья Пименовна, как львица, защищала своего беспомощного друга.

В анкете особого отдела есаул написал о себе всю правду и его решили послать на кирпичные заводы, которые были превращены в тюрьму. Все знали: кто попадал туда, назад не возвращался. Снова мольбы Дарьи Пименовны:

— Он калека теперь, ведь он безвреден для вас. Я ручаюсь за него.

Она победила снова. Ей разрешили взять мужа домой. Есаул с женой приехал в родную станицу Ессентукскую. Их встретили дядя с женой и двухлетний сын есаула.

— Как же быть? Ведь тебя, Николай, завтра же могут забрать...

Предусмотрительная жена давно решила, что делать. Мужа ее помещают в подвал под крыльцо. Дверца аккуратно вделана в пол, и поэтому — безопасно. Все было там, и кровать с чистым постельным бельем, и свет, и книги. Проходили день за днем, месяц за месяцем, год за годом. В станице считали есаула погибшим. Его навещали и ухаживали за ним только верные друзья — жена и сын. Иногда Николая Лазаревича охватывало отчаяние, ему казалось, что он теряет рассудок и сходит с ума... Годами он не выходил из подвала-могилы...

Только через 12 лет есаул покинул «квартиру». Черные волосы его побелели. Советская власть считала калек уже безвредным...

Германские войска заняли его родную станицу. Ожил, помолодел старик. Его избрали станичным атаманом, и он с жаром окупился и общественную деятельность. Вместе с другими казаками начал формировать казачьи отряды. Чувством казачьей гордости и благодарности германскому правительству полны его обращения к казакам:

«Мы шли с высоко поднятой головой, затаив в душе злобу против злейшего врага человечества-большевизма. Мы шли сюда с мыслью стать под победоносное знамя Германской армии, соединиться в одно целое и приготовиться к гигантскому казачьему прыжку, от которого содрогнется вся сталинская клика. Мы преданы Германскому правительству и верны его идеям»...

А. Таманский

В степных просторах

Казачка

Согнувшись под тяжестью ноши тяжелой,
По грязи осенней идя босиком,
Она пробиралась станичной межою
А сердце сжималось в истерзанный ком.
В душе подымались минувшие годы
В потоке обид, унижений, нужды
И злобы губившей повсюду народы
И теней бродившей повсюду вражды.
Одною оставшись с малюткой, больною,
А мужа в чужбину тогда проводив,
Боролась все время со злою судьбою
И год, так, за годом в борьбе проходил...
А, что довелось ей изводить за сына!..
То — «сын эмигранта»... то — «внук кулака»!
И всюду угрозы и сыска машина,
И куля молчанья вином кабака.
И гнев пароставший в душе и сознаны
В ней силы удваивал, бодрость давал
И больше сгибаясь под ношей — заданьем
Спешила казачка в секретный подвал.
Туда приносились продукты питания
Для сына и прочих бежавших в леса;
Бежавших из войск вопреки приказанья,
Сражаться на фронте, творя чудеса.
Казачка снабженец-разведчик отряда,
Сейчас выполняла задание его
Тропой незаметной для сыщика взгляда
И все для успеха сына своего.
Во мраке осеннего вечера, лесом
Добралась казачка к сынку своему
И став под листвою, сплетенной навесом
Тихонько шептала секреты ему:
«Весь полк, занимавший станицу, собрался
«Покинуть окопы и выйти за мост,
«А фронт... ежечасно вперед продвигался
«И в людях заметен был паники рост».
«Одни убегали, другие скрывались,
«А третьи искали спасенья в лесу,
«А те из военных, что там оставались
«За мост ускакали в девятом часу».
У сына казачки глаза заблестели:
Уж больно заманчив план вырос в уме,
А мысли к мосту переправы летели
И там искупались в холодной воде.
Одно лишь рождало сомнение в сыне:
Оружия мало и мало патрон;
Проход там опасный, по видной долине,
И мог принести им тяжелый урон.
А мать, будто, мысли те в сыне читала
И словно боясь за раздумье его,
Детали подхода к мосту излагала...
И только под утро ушла от него.
Она окрестила его на прощанье;
Она приголубила нежно, сказав:
«Помни сынок про отца завещанье,
«А путь этот, видно, нам Бог указал»...
В лесу было тихо, когда, покидая

Его, собирались «лесные жильцы»
Победы иль смерти себе ожидая
К мосту пробирались герои дощцы.
А бой за станицей уже разгорался
И дым застилавший просторы степей,
Столбами огня каждый миг рассекался
Но были в них видны лишь тени людей...
Отряд партизанский к реке приближался...
А полк, что сражался, к мосту побежал,
Но будто ужаленный вдруг задержался;
Огонь партизанский его задержал...
Кто снова в станицу... кто бросился в воду...
Иные бежали в ливаду и степь,
А группа отъявных, вскочив на подводу,
Спешила прорваться в замостье, за цепь.
Но только успели они перебраться,
Как взрывы гранаты один за другим
Под бричкою этой начали взрываться
Каким то особенным взрывом глухим.
И только лишь облако пыли поднялось,
Как образ казачки пред цепью предстал...
Лицо ее мило дощцам улыбалось,
А сын на коленях пред нею стоял...
Стрельба утихала и видно всем было,
Что прошлое кануло в бездну... с моста
И сердце в груди о другом говорило,
Увидев на знамени грани креста.
«К нам Бог не без милости, Дон не без счастья», —
Так верить учили, когда-то, отцы...
Но вот к ним подехали новые власти
И стали все «смирно» герои-бойцы...
Как старший в отряде им сын рапортует,
А рядом казачка с винтовкой стоит...
Но что это... Боже!.. не бес ли мордует...
Да кто это с сыном моим говорит...
Но только лишь сын им назвал свое имя,
Как слушавший дрогнул и ахнула мать...
И в миг расстоянье исчезло меж ними,
А сын их обоих стал обнимать.
В молчаньи волшебном склонились трое...
Но вот мать, очнувшись, отцу говорит:
«В тебя воспитала такого героя
И кровь в нем отцовская часто кипит».
«Прими же в награду за верность супруга
«Прими и подарком его от меня
«Пусть будет тебе он и сыном и другом;
«Таким я растила его без тебя»...
И словно закончив священное дело,
Мать к небу с слезами глаза возвела
И смуглое, нервное матери тело
Сказало о том как бедняга жила.
С пеленок война-сына растила,
Блюдя завещанье мужа, отца
И Божия милость ее наградила
В борьбе за Отчизну, за Бога-Творца.

Н. Васильев. (Лт. К.)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС «НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ».

С этого номера редакция приступает к печатанию произведений казаков-участников организованного ею конкурса, с обозначением рядом с фамилией или псевдонимом авторов: «Лит. К.»
Результаты конкурса будут объявлены в одном из ближайших номеров нашего журнала.

Отец Александр

Больше всех нас страдает и мучается священник из одной донской станицы о. Александр, древний старик с седой окладистой бородой и ясными лучистыми глазами.

Тяжелые для старика моральные пытки среди порочно-го, злобного, циничного, постоянно богохульствующего и ругающегося людского массива нашей камеры. О. Александр страдает молча и никогда не жалуется. По мере сил он старается помочь каждому. С истощенными голодом людьми делится своим скудным тюремным пайком. Для павших духом и измученных пытками у него есть всегда слова утешения.

За что он сидит в тюрьме? За то же самое, за что томятся в советских тюрьмах и концлагерях тысячи священников. Не за преступления и не за нелояльность к советской власти. Давно уже священники станиц и сел в своих проповедях ничего не говорят о «властях придерживающих».

О. Александр арестован в четвертый раз. Он не ропщет. Однажды я ему от всей души посочувствовал. Глядя на меня своими лучистыми кроткими глазами, о. Александр сказал:

— Тяжел мой крест, но я не ропщу. Нельзя роптать и жаловаться, сын мой, Господь не велит. Надо страдать, терпеть и молиться, а главное облегчать страдания других.

Надзиратели часто придираются к о. Александру. Придираются лишь потому, что он священник, да еще казак. Никогда не возражает надзирателям о. Александр. Терпеливо переносит все их издевательства. Только однажды воспротивился он тюремщикам.

От грязи, холода и скученности людей в камере появилось много вшей. Они ползали по людям и стенам миллионами, как ореховая скорлупа хрустели под ногами. В одной из камер, было несколько случаев заболевания сыпным тифом. Надо было всех нас свести в баню и остричь, все наши вещи пропарить горячим паром в вошебойке, а камеры хорошенько продезинфицировать. Вместо этого, мудрое тюремное начальство приказало надзирателям только остричь нас.

К конпу стрижки надзиратели приготовили себе развлечение. Один из них — рыбой, мокрогубый и злобный парнишка неожиданно закричал на о. Александра:

— Эй, поп! А ты чего ждешь? Особого приглашения? Марш сюда! Сейчас тебе сварганим великий постриг. Патлы твои обкарнаем.

О. Александр был чистоплотнее всех в камере. Вшей у него было меньше, чем у других, а о чистоте волос и бороды он заботился особенно. Следовательно, не было необходимости принуждать старика к стрижке, позорить его. Но тюремщики имели на сей счет другое мнение.

Вечером о. Александра через волчок вызвали на допрос. Но дальше тюремного коридора он не ушел. Через несколько минут мы услышали стоны и рыдания в коридоре. Это был голос о. Александра. Он рыдал и жалобно просил кого-то:

— Не надо! Оставьте! Не позорьте меня...

Надзиратели обманули о. Александра. Не на допрос его вызывали. Он скоро возвратился в камеру. Дверь открылась, священника втолкнули к нам грубым пинком, а дверь с треском захлопнулась за его спиной.

Боже, в каком виде предстал перед нами несчастный старик! Его лишенное бороды лицо было похоже на сморщенное печеное яблоко. По коротко остриженной голове

и по голому подбородку текли и засыхали тоненькие струйки крови. Из бессвязных, сбивчивых фраз о. Александра, мы с трудом поняли, что в коридоре на него набросились трое надзирателей и свалили его на пол. Двое сели на священника верхом, а третий, зажав его голову в коленях, приступил к стрижке. Но это не была обычная осторожная стрижка. Садист-надзиратель вырывал машинкой из головы и подбородка священника пучки волос. Усы старика он вырвал руками...

Камера взбунтовалась. Мы колотили в дверь кулаками и досками от нар, требовали, чтобы к нам явился начальник тюрьмы. Он пришел испуганный и обещал нам расследовать это мерзкое дело и наказать виновных. Однако, расследование и наказание откладывалось им со дня на день, пока этот возмутительный случай совсем забылся. Виновники его остались безнаказанными. Не мог же, в самом деле, начальник тюрьмы наказывать своих верных помощников по требованию каких-то арестантов.

После позорного и мучительного для него издевательства, о. Александр всю ночь горячо молился в своем уголке, а утром, как всегда, ходил по камере беседовал, утешал, ободрял. И попрежнему сияли его лучистые глаза...

Он без суда был выслан в концлагерь на пять лет.

Михаил Бойков

Грузчики

Мы — грузчики... Мы нагружаем вагоны,
Мы носим мешки на согнутой спине,
Мы — те, что когда то носили погоны
И кровь проливали свою на войне...

Мы счастья желаем Родному народу,
Боролись за правду, порядок, закон, —
Народ-же?.. — Прельстившись фантомом свободы,
Лжецами жестоко обманут был он...

Мы правду свою развезли по Вселенной
В загрязненных трюмах чужих кораблей...
О муках и крови Отчизны растленной
Рыдали как бедного Ивика семь журавлей...

Взывали мы к разуму, к совести, к чести
«Культурного» мира и честных людей,
Чтоб Родину нашу спасали от мести
Жестокого жида и рабских цепей...

В крови и в слезах, и в тоске несказанной
За мир весь страдает Родная страна,
И жертвой вечерней, пред Богом закланной,
Лежит распростерта Она...

Мужайтесь братья — казаки родные
И верьте глубоко — спасенье придет!
Убелятся ризы Отчизны святые,
И солнце свободы над нею взойдет!

Из пепла и крови Она возродится,
Любимая, сильная Родина-мать,
А нам суждено на Нее возвратиться, —
Ведь мы научились ждать...

Мы — грузчики... Мы разгружаем вагоны,
Мы носим мешки на согнутой спине...
Мы — те, что когда-то носили погоны
И кровь проливали свою на войне...

Афанасий Троценко.

Р о з ы с к и

Фельдфебель **Рыбкин Федор Тимофеевич** разыскивает своих братьев Григория и Михаила. Фельдпост 48471.

Василий Бородин, казак станицы Баталпагинской Кубанской Области, извещает своего отца, сестру и дядю о своем новом адресе: Фельдпост № 57306 В.

Поѣсаул **Мельников Михаил** просит знающих местонахождение или судьбу хорунжего Мельникова Игоря сообщить по адресу: Фельдпост № 65188. Мельников.

Казак **Кагальницков** разыскивает Григория Кондратьевича Соцкова, станицы Нижне Чирской О. в. Донского, эмигрировавшего за границу (в Сербию), вместе с женой и сыном в 1920 г. Фельдпост 20716.

Зипунников Василий Иванович, хутора Чепурна Верхне-Курмоярской станицы О. в. Донского разыскивает своего отца Ивана Андреевича Зипунникова. Фельдпост 25814.

Фельдфебель **Рыбкин Федор Тимофеевич** разыскивает своих братьев Григория и Михаила. Фельдпост 48871.

Зуб Василий Григорьевич, казак ст. Кисляковской, хутора Зеленая Роща, просит всех однохуторцов отозваться. Фельдпост 48871.

Степанов Иван, казак ст. Ново-Николаевской О. в. Донского, просит станичников отозваться. Фельдпост 48871.

Ефрейтор **Чупрына** Николай, станицы Новоплотиновской Кубанской Области, разыскивает брата Петра. Фельдпост 03163.

Казак **Кузнецов** Дмитрий, ст. Каргальской О. в. Донского, разыскивает родственников Маньцкого Ивана, Арбузова Ивана, Радькова Якова, Фролова Василия, а также просит отозваться и своих станичников. Фельдпост 48871.

Павлов Георгий, ст. Ново-Троицкой Кубанской Области, разыскивает своего отца Ивана Гавриловича. Фельдпост 48871.

Менжулов Георгий Яковлевич, ст. Отрадной Кубанской Области, разыскивает братьев Максима и Павла. Фельдпост 56055.

Дижечко Иосиф Григорьевич и Анатолий Иосифович разыскиваются уроженцем ст. Поповической Иваном Дижечко. Фельдпост 57917 Д.

Унт.-оф. **Хорошилов** Алексей Кузьмич разыскивает брата Николая. Фельдпост 57917 Д.

Меркулов Митрофан Терентьевич, ст. Мигулинской О. в. Донского, разыскивает своих сыновей Ивана, Василия и Александра. Братьев: Афанасия, Петра, Василия и Николая. Племянников: Ивана и Федора Ивановичей Меркуловых, а также станичников. Фельдпост 48472 Д.

Пятибратов Егор хут. Чернышова Белокалитвенского района разыскивает брата Фому. Фельдпост 25165.

Каргин Иван Михеевич, ст. Каргинновской, хутора Климовка Ростовской области разыскивает сына Петра и дядю Владимира Андреевича Лиховидова. Фельдпост 47055 А.

Богус М. Ш., с аула Ассоколая Кубанской Области, разыскивает братьев Махмуда, Нуха, Дауда, племянника Ш. И. Хакуй и друзей А. М. Чесебнева и Х. И. Богуса. Фельдпост 57055 А.

Дышеков Мухарбий Х. Мурзович, с аула Хабеа, Хабезского района Черкесской автономн. области, разыскивает брата Амина Хаджи-Мурзовича и друга Кемрюсова Люба Тросовича. Фельдпост 57055 А.

Митрохин Никанор Миронович разыскивает дядей Александра Георгия Мироновича и Жиркова Куприана Павловича, ст. Верхне-Чирской, О. в. Донского. Фельдпост 57483.

Игнатов Иван Константинович разыскивает дядю Степана Аристарховича Меркулова, ст. Скуришенской, Области в. Донского. Фельдпост 25814.

Г. М. Зоря, ст. Пашковской Кубанской Области просит станичников откликнуться. Фельдпост 48903 — 4.

Письменский разыскивает своего тестя Тимофея Максимовича Ушакова. Фельдпост 48871.

СОДЕРЖАНИЕ:

Высокая оценка Фюрером 1. Казачьей дивизии.

Приказ генерала Кестринга.

Генеральная линия.

Мой старый друг — Александр Погодаев.

Исторические очерки Дона (продолжение) — П. Н. Краснов.

Войско Кубанское — С. Федоров.

Казачи в Маньчжу-Ди-Го — П. Гр.

Из прошлого станичной жизни — Еф. Якименко.

Жизнь победила — А. Таманский.

О. Александр — М. Бойков.

Стихи М. Волковой, Н. Васильева и др.

«Штруппи» — общий любимец одной команды летчиков-истребителей

Перевозка раненых на восточном фронте с передовых позиций в полевой лазарет

Кладбище советских танков